

31 ОКТЯБРЯ

Жо — остров Груа*

Меня зовут Жозеф, ты называла меня Жо. Я в церкви, в первом ряду, глаза красные, на мне дождевик, на плечи наброшен бирюзовый свитер. Ты говорила: лилии так пахнут, что мертвый из гроба встанет; надо было купить тебе лилий. Ты умела любить, но по части юмора я впереди. Всю нашу жизнь ты меня как-нибудь глупо разыгрывала. Не могу принять, нет, как это — такая светящаяся женщина, как ты, и вдруг угасла. Здесь точно ловушка. Когда мне суждено в нее угодить?

Из Лорьяна детей доставил почтовик. Черный «порше-кайен», на котором Сириан с женой Альбеной, дочкой Шарлоттой и щенком Опля прикатил из Парижа, пока в городе на парковке. Сара предпочла поезд, она опирается на палку, а кресло на колесиках ждет ее дома. Сириан заправляет всем — точь-в-точь как

* Французский остров Груа (*Île de Groix*) называют также Островом гранатов, потому что там много пляжей с песком гранатового цвета.

своей фирмой. Сам выбрал тебе гроб, сам разместил объявление в газетах, сам подобрал для молитвенника с извещением о дате заупокойной мессы фотографию, где ты так ослепительна, что дух захватывает. Нашего сына не назовешь ни симпатичным, ни забавным, ни трогательным, но он безупречен.

Все скамьи в церкви заняты. С одной стороны — местные, с другой — приезжие, твоя семья впереди. Здесь мы женили детей наших друзей, здесь отпевали их родителей. Мы садились позади всех и держались за руки. Нынешним утром мне так не хватает твоей руки, и я сижу в первом ряду, будто мне надо выслушаться перед кюре. Над моей головой болтается кораблик*, и я чувствую, как подступает тошнота, морская болезнь, не иначе. Под алтарным распятием — большой якорь, с двух сторон от якоря — благодушные ангелы. Служит отец Доминик, новый приходской священник, он совсем молодой. Когда-то можно было умирать хоть каждый день, сейчас священники не живут на острове, но тебе повезло, у тебя настоящая заупокойная служба. Наш знаменитый хор громко и с чувством поет *Audite Silete* Михаэля Преториуса, просто потрясающе...

Меня мучает жажда, я жажду тебя, Лу. Я жажду тебя и наших сырных блинчиков под соусом из соленого масла**. У меня тяжело на сердце, но я кардио-

* Имеется в виду экс-вото — специальные таблички со словами молитвы и благодарности, свечи, цветы, статуэтки, которые приносят в дар храму либо по данному обету, либо в благодарность.

** Блины в Бретани настолько популярное и любимое блюдо, что их едят круглый год, пекут их из гречневой муки с морской солью крупного помола, для начинки используют яйцо, козий сыр и ветчину. Сладкие блинчики из пшеничной муки пекут только на Масленицу.

лог, и жаловаться на это даже, наверное, и стыдно. Я плохо выбрит и не почистил башмаки. Моя невестка Альбена никак не может пережить, что у меня на плечах бирюзовый свитер. Ты мне его подарила на нашу последнюю годовщину свадьбы. Я вдовец, пусть меня оставят в покое! Я всегда так ношу свитер, тем от всех и отличаюсь. Наши друзья пообещали: если я умру раньше их, все они, все придут на мои похороны с «жозефами» на плечах. Но тебя там не будет, и ты этого не увидишь.

Жизнь похожа на луковицу, она состоит из многих слоев, один под другим. В этой церкви собрались все твои разные миры. Товарищество Семерки — наши местные друзья, которые седьмого числа каждого месяца собираются на ужин у Фред, — представлено полностью. Члены ОПЖОМ — Общества помощи женам отсутствующих мужей, созданного мной вместе с Жаном-Пьером, когда мы суетились по хозяйству в домах друзей, что неделю горбчатся на материке и на остров приезжают только по выходным, — тоже здесь. Твоя семья в первом ряду, все с прямыми спинами, с отличной осанкой. Твой отец, граф, умер два года назад, мать погибла в дорожной аварии, оставив тебя годовалой. Твои сестры уселись, как братья Далтоны*, по росту. Они остались жить в родовом замке, а тебя я похитил. У них есть с тобой фамильное сходство, но нет твоей способности

* Братья Далтоны — криминальная банда, действовавшая на американском Диком Западе в 1890-е годы. Братья Далтоны, специализировавшиеся на банковских и железнодорожных ограблениях, стали героями множества фильмов, комиксов, песен и книг. В частности, у Джо Дассена и группы *The Eagles* есть шлягеры о них.

вспыхивать и искриться, они не умеют ни безумствовать, ни мечтать так, как умела ты. Верные тебе подружки по частной католической школе тоже явились, их легко опознать по костюмам, платкам, мокасинам или мягким туфлям; наши-то островитянки носят в эту пору теплые куртки и брюки, и башмаки у них тяжелые. Ты всю душу вкладывала в организацию премии «Клара» — конкурса юных литераторов, отдающих свои гонорары на исследования в области кардиологии, — твои соратницы и ваши лауреаты приехали из Парижа. Мой старый приятель Тьерри Серфати, заведующий неврологическим отделением, тоже тут — по дружбе. А тот, кто теперь руководит моей кардиологией, — из вежливости, я всегда его не переваривал. Я ушел на пенсию досрочно, два года назад, чтобы наконец пожить с тобой, а ты меня так надула... Так надула, Лу.

Ты ускользнула от меня ночью — кончалась суббота, начиналось воскресенье, — той самой ночью, когда в три часа французы переводят стрелки с летнего времени на зимнее. То, что ты испустила свой последний вздох именно в этот момент, было твоей последней насмешкой. Медсестра как раз делала обход. У нас в Бретани анку*, перевозчик в царство

* Анку в бретонском фольклоре — образ смерти и ее предвестник. Считается, что человек, умерший последним в году, превращается в анку. Но есть и другая версия: анку — это первый, кто был похоронен на местном кладбище. Выглядит анку либо как скелет, либо как высокий изможденный человек с длинными белыми волосами и пустыми глазницами, одетый в черный плащ и черную широкополую шляпу. Ему сопутствует похоронная повозка, запряженная скелетами лошадей или тощей желтой кобылой. Согласно легенде, тот, кто встретит анку, умрет через два года, если же такая встреча произошла в полночь — в течение месяца.

смерти, приходит за душами умерших со скрипучей повозкой. Ну и что ты ему сказала? «Переведи часы, не то застрянешь»?

Мы выходим из церкви на площадь. Осеннее солнце освещает тунца на шпиле церкви, везде на таких шпилях петухи, а мы живем на матросском острове, и здесь был в начале XX века самый большой рыболовецкий порт во Франции.

У нас нет траурного зала для прощания, не хватило бы клиентов, поэтому кортеж огибает церковь и пешком направляется прямо к кладбищу. Каждый день хожу этой дорогой, но сегодня случай исключительный, поэтому я не держу под мышкой газеты и не делаю остановку в «Трискеле», чтобы выпить кофе. У меня разбитое сердце и растерзанная душа. Ты веришь в Бога своего отца, я верю в бога моряков. Но он предал меня, я потерпел кораблекрушение на суше и утонул в горе, не покидая берега.

Похоронный звон. Все останавливаются, машины тоже. Старики крестятся. Артюр, бигль Эрика, поднимает ногу у колеса катафалка. Благодарю его взглядом: он единственный, кто ведет себя нормально. Наши донельзя удрученные дети на шаг отстают от меня. Я молюсь о том, чтобы все это оказалось очередным твоим дурацким розыгрышем. Траурный кортеж проходит мимо ресторана «Пятьдесят»*. Жан-Луи добавляет в меню то, что завезли сегодня. Ты бы сейчас заказала «наполеон» из ломтиков помидора,

* Одна из особенностей романа Лоррен Фуше — то, что в нем вместе с придуманными действуют вполне реальные персонажи, ресторатор Жан-Луи из таких. Кстати, отзывы об этом ресторане — исключительно восторженные.

перемежающихся слоями крабового мяса, а к нему сорбет с красным перцем, а я бы выбрал суп из копченой рыбы с водорослями. Ты бы устояла перед десертами, а я бы не удержался и заказал себе «бель-элен»*, но стоило бы ей появиться на столе, ты тут же отняла бы у меня половину. Теперь я должен объедаться один, и от этой мысли у меня щемит сердце. Если я оставлю тебе кусочек, ты вернешься? Мы проходим мимо художественной галереи Янник, Мори и Перрины. Сейчас ты прыгнешь с холста и испугаешь меня до смерти?

Ты была красива, Лу, от твоей красоты слепой не только бы прозрел, но и приобрел орлиную зоркость, а паралитик вскочил бы и побежал со скоростью гепарда. Я не видел тебя мертвой, я отказался смотреть. Я не хотел помнить тебя такой, несмотря на то что собратья-психиатры в один голос твердят, будто это помогло бы мне пережить горе. Я не надеваю траура, я бастую, я красный.

Под навесом крытого рынка какие-то люди вихляют задами и дергаются, но при этом там тихо. Я резко останавливаюсь, и все притормаживают, кроме черного катафалка, который тебя увозит. Приглядываюсь. Что они там делают? А они там пляшут. И тут замечаю афишу: «Тихий бал, организованный

* Груши «бель-элен» — названный в честь комической оперы Оффенбаха «Прекрасная Елена» французский десерт из теплых припущенных груш, ванильного мороженого и шоколадного соуса. Изобрел этот десерт Жорж Огюст Эскофье (1846—1935) — знаменитый французский ресторатор, популяризатор традиционной французской кухни, удостоенный титула «короля поваров и повара королей».

противниками SACEM* и обложения налогами владельцев магазинов, которые включают у себя музыку». Я покидаю траурный кортеж и иду к импровизированной танцплощадке в зале, где сегодня никто ничем не торгует.

— Папа! — шипит мне вслед застыдившийся Сириан.

— Дедуля! — вторит ему жена.

Я не выношу, когда Альбена меня так называет, — какой я ей «дедуля»! Ладно, хрен с ней, кружусь на месте, раскинув руки в стороны. У каждого танцора тут свой ритм, свой темп. У каждого наушники и ай-под или мобильник. Я тоже двигаюсь в ритме музыки, слышной мне одному: в моей голове поет Серж Реджани. Все меня ждут, совершенно растерянные. У твоих подруг детства глаза лезут на лоб, твои сестры не знают, что делать. Сириан подходит ко мне и хватает за руку, я вырываюсь. Тогда Сара выпускает палку, палка падает на землю, танцоры расступаются, Сара меня обнимает и начинает кружиться вместе со мной.

— Феллини умер 31 октября, — шепчет она мне прямо в ухо.

Мы танцуем, пошатываясь, слабые, неловкие, каждый в ритме своей музыки, у нашей дочки это наверняка Нино Рота.

— Я вас догоню. — Тон, которым я говорю это Сириану, возражений не допускает.

* SACEM (*Société des auteurs, compositeurs et éditeurs de musique*) — Общество музыкальных авторов, композиторов и издателей — французская профессиональная ассоциация по сбору платежей для авторских гонораров и защите авторских прав музыкальных авторов, композиторов и издателей.